

Иером. Мефодий (Зинковский)
(Санкт-Петербург)

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО: О ЗНАЧЕНИИ ДИАЛОГА СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ И ПРАВОСЛАВНОГО БОГОСЛОВИЯ

Дорогие участники конференции! Обращаясь сегодня к актуальным вопросам, касающимся современной христианской психологии и антропологии, отметим, что, безусловно, очень важно — на какую аксиоматику опираются и будут опираться современные психологи и антропологи в настоящем и в будущем. Поэтому подобные конференции, как и вся деятельность Центра христианской психологии и антропологии имеет серьезное значение для современного общества. Для нас особенно важна проблематика человеческой личности, поскольку сегодня богословие личности можно назвать некоей передовой антропологией, содержащей множество интересных и важных одновременно откровений и неразрешенных, не проясненных вполне вопросов. Здесь уместно вспомнить слова митрополита Каллиста (Уэра), который в свое время выразил мысль, что «в XXI в. самым главным вопросом богословия, безусловно, будет вопрос антропологический, т. е. вопрос о человеческой личности»¹.

Перед лицом современного человека, казалось бы, снабженного технологиями и достижениями науки с целью улучшения качества его жизни, стоит, тем не менее, множество непростых проблем. С одной стороны, есть целый ряд онтологических вопросов о человеке, тянущихся из прошлого и

¹ «Мы не служим Богу, когда мы неаккуратны в своих богословских выводах»: интервью митрополита Диоклийского Каллиста (Уэра) специально для портала Богослов.ru. URL: <http://www.bogoslov.ru/text/286120.html> (дата обращения 12.11.2021).

до сих пор не разрешенных, а с другой стороны, время и техногенная цивилизация ставят перед нами новые, сложные вопросы. Это и биотехнологии, и генная инженерия, и цифровые технологии, и многое другое. Всех этих новшеств, конечно, святые отцы и богословы, великие антропологи прошлого, не наблюдали в тогдашней реальности, и естественно, что мы не найдем у них каких-то конкретных мыслей и советов касательно этой проблематики. Но мы живем в этой среде, техногенная цивилизация достаточно агрессивно захватывает наш мир, и, соответственно, нам необходимо выработать здоровые, конструктивные мнения и реакции на эту экспансию. Обращаясь к истории Церкви и ее богословской антропологии, нужно отметить, что Церковь никогда не была против новых технологий и достижений технического прогресса, но, по мере поступления тех или иных вопросов, касающихся различных образов применения этих достижений науки к жизни человека, выкристаллизовывала свои трезвые позиции по отношению к ним.

Напомню, что богословское понятие личности особенно привлекло внимание мыслителей XX века. Здесь достаточно вспомнить имена проф. Владимира Николаевича Лосского (1903–1958), архимандрита Софрония (Сахарова) (1896–1993), протоиерея Георгия Флоровского (1893–1979), протопресвитера Иоанна Мейендорфа (1926–1992), румынского исповедника прот. Думитру Станилоэ (1903–1993) и других. В основном это представители русской эмиграции, но не только. Эти ученые и богословы внесли свой неоценимый вклад в развитие богословия личности, но при этом все же остается много вопросов как внутри богословской антропологии, так и в междисциплинарном поле, на стыке богословия и психологии и, а также и других наук о человеке. Мы понимаем, что, с одной стороны, психология имеет свою собственную историю развития и свои школы, а с другой стороны, задаемся вопросом — насколько обоснована и хорошо продумана и взвешена аксиоматика этих школ в психологии? Что может стать критерием оценки аксиоматической матрицы того или иного психологического направления или

современного тренда? Ведь если в точных науках критерием, как правило, являются те или иные испытания и опыты с материей, то в сфере антропологии «подопытным» оказывается конкретный человек, судьба которого нам гораздо более важна, чем то, что произойдет с тем или иным физическим материалом, попавшим в сферу интересов и разработок ученых!

Известно, что на психологических факультетах высших учебных заведений сейчас принято опираться на самую разнообразную аксиоматику, более того, постмодерн ставит под вопрос вообще присутствие какой-либо аксиоматики в нашем мире. Но на сегодняшней конференции, мне думается, мы в первую очередь ставим задачу выстраивания диалога по уточнению терминов и понятий — тех, которые использует богословие личности, и тех, которые используются в классической и современной психологии. Для нас важно решить вопрос — каким образом психологам, и в первую очередь психологам православным, можно выстроить свою систематическую работу, опираясь на то богатое наследие, которое есть в Церкви, но, если признаться честно, не востребовано — не используется в полной мере даже в проповедях священников или в повседневной жизни православных христиан. Поэтому здесь психология может быть не только ученицей богословской антропологии, но и реальной помощницей богословию как в пастырском окормлении людей, так и в актуализации опыта, накопленного как в богословии, так и в практической психологии. И если этот диалог выстроить правильно, то он может дать очень хорошие и многообразные плоды.

Еще мне хотелось бы упомянуть о проблеме соотношения богословия и теологии в сегодняшнем российском научном пространстве и о их взаимодействии с психологией. Ведь совсем недавно в российской системе образования теология была включена в число «ваковских» дисциплин, но при этом между теологией и богословием, хотя это практически одно и то же слово, сохранились сложные отношения: богословие считается прерогативой Церкви, а теология — прерогативой светского государства и ученых. Но некоторые российские

ученые, можно сказать подвижники, поскольку они преодолевают большие трудности, разрабатывают и внедряют эту новую дисциплину — теологию, трудятся, чтобы представить обществу то, как христианское богословие может помочь в выработке стандартов современного образования, что, конечно, отразится и на его уровне, и на самом его характере. И здесь психология как раз могла бы оказать практическую помощь, показать светским, научным и административным кругам, что между церковным богословием и светской психологией может быть налажен здоровый и плодотворный диалог. Это дало бы больше оснований повлиять на общественное и научное представление о том, какая должна быть теология, связать ее с богатейшим святоотеческим наследием и аскетическим опытом.

Уверен, что подобного рода конференции могут стимулировать здоровые процессы и в обществе в целом, и в научном сообществе. Для нас важно, чтобы православные богословие и психология не оказались на периферии, чтобы у наших современников не складывалось впечатление о богословии, что это лишь какие-то «странные» батюшки, представители устаревшей идеологии, что-то там говорят в своих семинариях, и что эта информация не предназначена для современного человека и современной жизни. Для нас важно и то, чтобы психология не рассматривалась современниками лишь как прибежище для раненых, травмированных жизнью людей. Человек, ведущий здоровый образ жизни, реже обращается к медикам, точно так же и психология может и должна, в том числе с помощью православного богословия, оздоровительно влиять на человека прежде того момента, как он окажется тяжело раненым жизненными обстоятельствами, общением с людьми, социальными проблемами и так далее. Хотелось бы, чтобы такое узкое понимание обеих сфер знания — психологии и православного богословия — было минимизировано, в том числе и за счет нашей с вами сегодняшней работы.